

ДОНСКОЙ ПИСАТЕЛЬ

№ 1 — 2019 г

Литературная газета Ростова-на-Дону и Ростовской области

Газета издаётся при поддержке Министерства культуры Ростовской области

Уважаемые коллеги!
Друзья!

От имени правления Союза писателей России сердечно поздравляю лично Вас, всех писателей региональной организации с наступающим Новым, 2019-м годом и Рождеством!

Желаю благополучия, здоровья и успехов во всех Ваших делах!

Николай Иванов,
председатель

Союза писателей России

Владимир Морж

Зима Этюд

Все ждали по улицам мутные реки в кисельных берегах. Как это очень часто бывает в Ростове под Новый год. А потом, когда всё растает, непогода приносит обычно холодный ветер, превращает «реки» в наледи, и народ клянет погоду и сучит по дорожкам ножками... А люди ведь соскучились по зимним праздникам, а не по преодолению трудностей!

Но в этот раз... В этот раз непогода принесла снег, обильный, крупными хлопьями, которые

падали на безветрии плавно, укачивая воздух. Снег как-то сразу превратил застывшую в осени оголённую зиму в красавицу в шубке, и она сразу принялась за дело. Одела всё вокруг: кусты, деревья, дома. Нарядила фонари, надев на них высокие боярские шапки. Перечеркнула белыми штрихами то, до чего не дотягивалась: свет в окнах, серые стены...

Пыталась зима принарядить и людей, которые бездумно сминали снег до уровня проторенных дорожек. Пыталась перекрасить в белое автомобили, которые настойчиво перемолачивали снег колёсами...

Тщетно! И вот улицы опустели, люди устали спорить с зимой.

А она сыпала снегом до полуночи, пока не сочла: достаточно! Морозцем разогнала облака и вытащила на свет божий луну. И стало светло как днём. Вот такие в Ростове белые ночи!

Мысль проста. Зима напомнила горожанам, какой должна быть в это время природа в идеале: белый мир, сверкающий под лучами светил...

Ах, как хотелось бы, чтоб город остался таким до самого перехода времени из старого в новое! До самого праздника!

ДОРОГИЕ ДРУЗЬЯ, КОЛЛЕГИ!

Сердечно поздравляем Вас с Новым годом и Рождеством Христовым! Желаем Вам и членам Ваших семей здоровья, благоденствия, новых творческих достижений!

Ушедший, 2018 год, был годом, насыщенным разными важными и трудными для исполнения делами, в числе которых был и XV Съезд нашего Союза, и большой литературный конкурс, выросший до статуса «Международный», и учебные семинары, результатом которых был выпуск Донского литературного альманаха, и посадка Шолоховского сада, которой предшествовала большая подготовительная работа, и выпуск уникального юбилейного номера журнала «ДОН новый», и торжественные мероприятия по празднованию юбилеев нашего отделения и Союза писателей России, и обмен членских билетов. Организовано Вседонское Литературное сообщество куда вошли более 100 литераторов, регулярно выходила газета «Донской писатель», обновлялся сайт «Донской писатель». И сейчас уже можно с уверенностью сказать, что мы общими усилиями успешно справились со всеми задачами года уходящего, что отделение достойно и уверенно, ещё более крепким и работоспособным, входит в год будущий. Мы желаем всем Вам мира, благополучия, взаимоуважения, общественной активности и, конечно, новых книг, а главное — всегда хорошего настроения и всего того, что входит в ёмкое слово «счастье».

С Новым годом и Рождеством Христовым Вас, друзья!

Алексей Береговой, Алексей Глазунов, Галина Студеникина, Ольга Лозбенева, Вячеслав Зименко, Ксения Баштовая, Людмила Малюкова, Антонина Попова, Дмитрий Ханин, Людмила Хлыстова

ВАЖНОЕ СОБЫТИЕ В ПИСАТЕЛЬСКОЙ ЖИЗНИ

В конце уходящего года (15.12.2018) в конференц-зале Донской государственной публичной библиотеки произошло важное событие для писателей Ростовского отделения Союза писателей России: в торжественной обстановке писателям отделения вручили членские билеты нового образца. Обмен билетов был проведён согласно решению XIV съезда Союза писателей России, после которого в отделении прошла большая подготовительная работа для обмена билетов. В результате Ростовское отделение СПР первым среди всех региональных отделений России провело это важное мероприятие. Новые билеты представляют собой яркие красные книжки с золотистым государственным гербом Российской Федерации и такой же золотистой надписью «Союз писателей России». К ним прилагаются цветные пластиковые вкладыши с фотографиями писателей, подтверждающие принадлежность к Ростовскому региональному отделению Союза писателей России, и фирменные значки.

Редакция ДП поздравляет всех писателей отделения со столь значительным событием в их жизни.

Людмила Хлыстова

А. Г. Береговой вручает писательский билет И. Н. Кудрявцеву

С Днём рождения!

ПОЗДРАВЛЯЕМ нашего коллегу, члена Союза писателей России, родившегося в январе, богатом на праздники и подарки, в снежную пору, когда пробуждаются надежды и сбываются мечты:

Сергея Александровича Калининна (Сполоха) (11.01.1958 г.).

Искренне желаем ему добрых свершений, заманчивых идей, поддержки любимых, здоровья и благодати!

В номере:

Поздравления с Новым годом и Рождеством; Владимир Морж. Зима. Этюд; Обмен писательских билетов.

Стр. 1

Антонина Попова «Соколов Михаил Дмитриевич» Статья; Отрывок из романа М. Соколова «Грозное лето».

Стр. 2

Вячеслав Зименко «Литература против науки?» Статья; Подведение итогов «Конкурса одного стихотворения».

Стр. 3

Конкурс «Степные всполохи» Поэзия (16 – 40) 2 места: Виктория Панина «Окололиричное»; Наталья Пейсонен «Письма к Еве»; Публицистика Андрей Канавщиков «Чтоб в душу не шла гангрена...» Очерк.

Стр. 4

Конкурс авторов старше 40 лет Номинация проза Сергей Безиков «Верабей». Рассказ.

Стр. 5

Елена Морозова Новые стихи; Татьяна Александрова «Муха и пчела». Сказка; Андрей Канавщиков «Чтоб в душу не шла гангрена...» Очерк. (Продолжение).

Стр. 6

Соколов Михаил Дмитриевич

К 115-летию со дня рождения

М. Д. Соколов (1904 – 1992) — писатель, член СП РСФСР, СССР, лауреат Государственной премии. Родился в Сулине, в рабочей семье. С ранних лет мальчик слушал сказки, раздольные русские, украинские и казацкие песни, воспоминания о былых походах казаков, о донской вольнице, о героях крестьянских движений. Всё это оставило заметный след в душе будущего писателя, пробудив в нём интерес к истории родины, народным обычаям, живому русскому слову.

Миша в семь лет поступает в начальное училище, затем — в Сулинскую гимназию, где становится вскоре одним из лучших учеников. Мальчик много читает, усиленно работает над собой. Гимназист Соколов — активный участник литературного кружка, сыгравшего немалую роль в развитии его лингвистических способностей и эстетических вкусов. Михаил пробует свои силы и в прозе, и в поэзии, помещая первые литературные работы в гимназическом рукописном журнале с многозначительным названием «На заре».

С 1921 года после окончания Шахтинской совпартшколы Михаил Соколов занимался партийной работой. Но с юношеских лет он стремился к литературной деятельности. В 1924 году он печатает свои первые статьи в краевой газете «Советский Юг», получив поддержку А. А. Фадеева. В своём творчестве писатель обращался к разным литературным жанрам: романам, повестям, пьесам, очеркам и публицистическим статьям на актуальные темы современности.

В 1928-ом Михаил Соколов поступил в Ростовский инженерно-экономический институт. Окончил его, работал по специальности на различных предприятиях Ростова-на-Дону.

В 1946 г. М. Д. Соколов перешёл на творческую работу, был избран председателем правления Ростовского отделения Союза писателей СССР, проработав здесь до 1957 года.

Михаил Соколов. Отрывок из романа «Грозное лето»

... Утро выдалось не жаркое, пасмурное, но пока Александр ехал из штаба армии до границы, солнце подогрело облака, разорвало их в клочья и подняло в небесные выси, подальше от земли, чтобы не болтались над головами людей, и они повисли над полями и мелколесьем белыми громадами, подсиненными снизу, как украинские хаты.

Александр сидел позади шофёра и механика, держал на коленях дневник и записывал впечатления прошедшего дня, но писать было неудобно, так как дорога была плохой и проходила то песками, то перелесками с колдобинами, на которых автомобиль так подбрасывало, что трудно было усидеть.

По сторонам, навстречу бежали узкие полоски нив со скошенными или ещё стоявшими овсами и рожью, хороводили в низинах развесистые ветлы и покосившиеся могильные кресты и распятая за околицей польских хуторков и местечек, и мелькали редкие жители, большей частью старики или подростки, или тётка какая-нибудь, застывшая, как монумент, в чёрном проёме двери, — босоногая, в подоткнутой юбке, смотревшая на автомобиль из-под ладони.

И такая печаль и отрешённость от всего сущего, горе горькое чувствовались вокруг, что у Александра ёкнуло сердце. Всё замерло и поблекло, вся жизнь, и остались лишь старые, коим уже и страхи — не страхи и смерть — не смерть, да несмышлёныши дети.

И вспомнились родные места, шири степные неоглядные, солнечно-светлые и говорливые, населённые станицами и садами от края до края, звенящие песнями лихими и грустными девчат и хрустальными трелями пичуг разных. Как там? Неужели и там такая мертвенность и гнетущее безлюдье, и не горланят чуть свет петухи, и не сидят больше старики на завалинках, не вспоминают былые походы, и не переругиваются казачки возле плетней, оглашая широченные улицы полным набором станичного острословия?

Но Александр понимал: не до песен теперь людям, не до перепалок солдаткам и вдовам, не до сладостных воспоминаний старикам. Война... Горько, и слёзы, и тишина могильная теперь стоят и над Доном, и над всей Россией — в каждой семье, в каждой душе, и когда это кончится — один бог знает. Скорее всего, это только начинается...

Он вздохнул и настороженно посмотрел по сторонам, потому что автомобиль пересёк границу и плавно катился по чужой земле, среди полей со скошенным и разбросанным варварски хлебом или подождённым, но не догоревшим, мимо отгородившихся проволокой или частокколами от всего живого фольварков и мрачных, притаившихся невдалеке от прямых, как линейка, просёлков, смотревших на мир угрюмо и нелюдимо.

Фольварки были покинуты, хозяева увезли всё, что можно было, и лишь коровы, красные, как черепичные крыши, и отошавшие, стояли то там то сям и смотрели на дорогу, на автомобиль большими, полными отчаяния глазами и истошно ревели, будто жаловались человеку, что они не доены, не кормлены и брошены хозяевами на произвол судьбы.

Александр уже наблюдал такие картины на левом фланге армии, в районе Сольдау, и всякий раз возмущался: ну кто их, этих кичливых наследников тевтонов, хозяев фольварков, сгонял с насиженных мест, тем более — пожилых или стариков? Что им-то угрожало?

Автомобиль катился по шоссе мягко и почти бесшумно, и Александр подумал: «А полковник Крымов сделает мне нахлобучку за то, что я увёл его мотор, на котором приехал от него в штаб фронта. Он-то собирался ехать на правый фланг армии, к Благовещенскому».

Александр и не заметил, как задремал под мерный рокот мотора, как услышал голос шофёра:

— Ваше благородие, фольварк немецкий рушат: кто-то бегают по подворью и громит свиней — визжат, как недорезанные.

Повесть «Весна» (1946 г.) посвящена людям села, восстанавливающим разрушенное немецкими оккупантами народное хозяйство. В ряде статей и очерков, таких как «Русская женщина», «Инженер Козлов», «На Тихом Дону», «Осуществление мечты» писатель создает волнующие картины трудового подвига на мирном фронте.

В 1956 г. Михаил Соколов организовал литературно-художественный журнал «Дон», стал его главным редактором, проработав до 1975 г., отдавая всего себя делу развития Ростовской писательской организации, которая вошла в число передовых организаций Союза писателей страны. Много сил и энергии он тратил на организацию и становление Союза писателей РСФСР, будучи его учредителем, внёс заметный вклад в дальнейшее развитие творческой активности писателей Юга России.

Последнее десятилетие творческой жизни писателя ознаменовалось значительным произведением — романом «Грозное лето», повествующим о трагических событиях лета 1914 года на русско-германском фронте в Восточной Пруссии.

В романе М. Д. Соколов создал яркий образ талантливого военачальника, преданного Отечеству, — генерала Самсонова. Роман «Грозное лето» — важная страница русской исторической романтики, обращённая к незабываемым событиям национальной истории.

Антонина Попова,
г. Ростов-на-Дону

В статье использованы следующие документы:
<http://www.sulinlib.ru/sulin-literaturnyj/373-sokolov-mikhail-dmitrievich> Мьякинченко В. А. Путь писателя: [Текст] / В. А. Мьякинченко // Мьякинченко В. А. Земля Сулинская: Время и лица (Историко-литературные очерки) / В. А. Мьякинченко. — Красный Сулин: «Сулинполиграфсервис», 2005. — С. 205 – 212.

— Из того клятого Оттель-Бурга, аль как его, извиняйте, ваше благородие.

— Горит тот Стельбург, германцы запалили ещё до нашего прихода. — Ланверы какие-то, а как по-нашему, так нехристи и бурсурманы, каким и своего кровного добра не жалко.

— Угостить не можете, ваше благородие, папироской? Два дня курим одну «козью ножку» цельной полусотней.

Александр достал пачку папирос, казаки спешили и расхватали их в мгновение ока, оставив одну хозяину, но курить все сразу не стали, а заговорили:

— Егор, ты зятяни свою, а нам с односумом половинку оставь. А после закурим нашу и отдадим должок.

— Хозяйственный какой, ядрёна корень. Я, может, отродясь не держал таковскую в зубах.

— А табачку не найдётся, ваше благородие? Сущую малость, а то аж уши поухли.

Урядник строго прикрикнул:

— Отставить разговоры! Нашли где лясы точить.

Александр сожалеючи развел руками и ответил:

— Нет, станишники, табачку ни крошки нет.

Шофёр молча достал из кармана зелёный пухлый кисет, расшитый всеми узорами, какие были на свете, бережно развязал его и едва не опустошил, раздавая махорку, да какая-то сердобольная душа попеняла дружкам:

— Нехристи, да оставь же человеку хоть разговеться.

И кисет вернулся к его владельцу, но там вряд ли что осталось.

Раненые оказались батарейцами четвертой кавалерийской дивизии генерала Толпыго, и в их числе — поручик седьмой батареи. От него Александр узнал: дивизия вела сражение у деревни Бяла, но встретила сильное сопротивление противника, который подавил батарейцев огнём тяжёлых орудий, перебил лошадей, так что шесть орудий остались на поле боя из-за отсутствия тяги, а прислуга большей частью оказалась убитой и раненой. Сейчас раненых перевозили из полевого лазарета в Остроленку, чтобы отправить в тыл железной дорогой.

— Как же это случилось?

— Командир поторопился, хотел выручить пехоту, которой противник намеревался устроить клещи, и приказал поставить орудия на открытую позицию. Противник же, как и следовало ожидать, воспользовался этим.

— А ставка фронта утверждает, что противник отошёл на запад, — сказал Александр.

Поручик с горечью ответил:

— Ставка фронта знает о противнике не больше, чем мы с вами, извините, знаем о Рамзесе Втором. По крайней мере, против нашей четвёртой кавдивизии действовали не только ландверные части, необученные и необстрелянные, у которых почти нет артиллерии.

Рассказ поручика произвёл на Александра угнетающее впечатление. Если такое ротодействие не пресекать всеми возможными способами — этак и другие захотят «поскорее» разбить противника и начнут выкатывать орудия на открытые позиции. «А впрочем, такое бывало и у немцев при Гумбинене, как рассказывают. Однако Германия это арсенал: потеряют батарею — получат две новых. А если мы так будем воевать — заводы не успеют и поставят фронт новые орудия», — думал Александр, но вслух этого не сказал, а предупредил:

— Вы — старший здесь, поручик, поэтому прикажите казакам быть внимательными: по нас только что стреляли вон из того фольварка, — указал он в запылённую даль, за которой еле виднелись красные дома, и добавил: — Я сам скажу... Урядник! — позвал он командира казачьего отряда, а когда тот подъехал, нетерпеливо продолжал: — Отрядите нескольких человек вперёд, пусть осмотрят фольварки, что стоят невдалеке от дороги. Там есть ландверные вояки, кои стреляли по нас и могут устроить вам неприятность.

— Слушаюсь, ваше скородие... Митрофан, Ананий, ко мне! — скомандовал урядник и стал что-то тихо наказывать казакам, чтобы не слышали раненые.

Александр ещё и не простился с поручиком и с ранеными, как наряд казаков отделился от обоза и на рысях устремился вдоль дороги, по которой предстояло идти обозу...

Вячеслав Зименко, г. Ростов-на-Дону

ПРИГЛАШЕНИЕ К ПОЛЕМИКЕ: ЛИТЕРАТУРА ПРОТИВ НАУКИ?

Реплика

Статья Зименко о сопряжённости научного и художественного в литературном произведении редколлегия «Донской писатель» представляет интересной при всей неоспорности суждений автора.

Что есть воображаемый мир писателя, если он талантливо воплощён? Как реагирует художник на научные открытия времени в своём творении? Каким образом при этом или разрушается их эстетическая грань, или достигается гармония воссоздания? Все эти, как и другие вопросы, акцентированные в статье, мы адресуем нашим читателям, приглашаем их принять участие в полемике.

Редакция ДП

У каждого явления есть свои «тёмные овраги». Конечно, они есть и у художественной литературы. Давайте обсудим один из них.

«Две культуры» — так назвал Чарлз Сноу свою книгу, где речь шла о противоречии между культурой, в основе которой лежит научное знание, и другой, базирующейся на художественном постижении Действительности. Тема заезженная, стоит ли о ней распространяться? Мне, как писателю, в силу профессии ещё и связанному с наукой эта проблема кажется интересной, да, думаю, и для «неостепенённых» коллег она должна быть небезразличной.

Оставим за рамками данной публикации высокий слог и правила русского языка, а обсудим лишь вопросы «насколько научны наши с вами произведения?» и «как часто мы используем научный инструментарий в своём творчестве?» Ведь оценивая произведение, читатели и критики анализируют, в том числе и его научную (читайте — художественную) правду. Это легко сделать, когда речь идёт о мемуарах, исторических романах, публицистике, этнографических и фенологических зарисовках. Но как быть с такими жанрами как научная фантастика, поэзия, фэнтези и сказки?

Вот задачка: как бы вы оценили научность такого текста?

«На Море, на Океане есть остров, на том острове дуб стоит, под дубом сундук зарыт,

в сундуке — заяц, в зайце — утка, в утке — яйцо, в яйце — игла, на конце иглы — смерть Кошечеева».

Прочитав это, большинство понимающе улыбнутся, но будут и те, кто покрутит пальцем у виска: «Как можно требовать научности от народной сказки? А что, утка в зайце и игла в яйце — это нормально! Да и бессмертные встречаются в нашей повседневности не так уж редко».

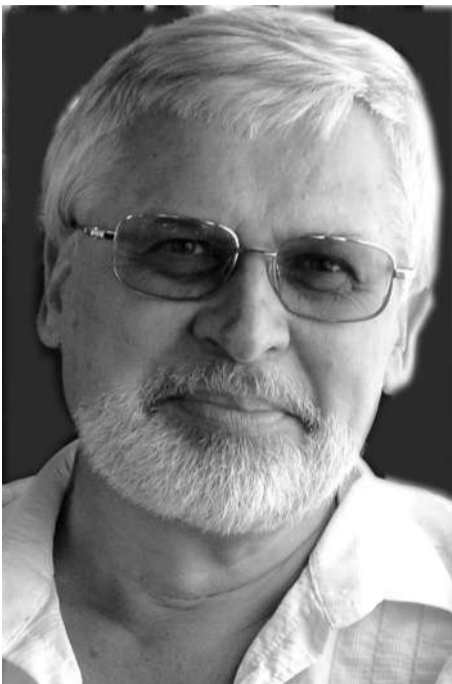
Значит, придётся согласиться с Лоуэсом Дикенсоном, утверждавшим, будто появление науки исключает литературу, или его оппонентом Питером Медавара, доказывающим, обратное: что появление литературы исключает науку?

Почитайте отзывы о новинках донской литературы на нашем сайте. Чаще всего мы выражаем своё отношение к прочитанному фразой «Мне понравилось!» То есть анализ закончился на уровне подсознания. А теперь сравните резюме по произведению от члена жюри конкурса «Степные вполнохи»: «Негармоничные инверсии, шероховатости и сбои в изложении. Позиция автора неоднозначная: хочет сказать о высшем, человеческом, но сам — в состоянии непростения, поэтому возникает некая путаница, аллюзия всей темой». В последнем случае, на мой взгляд, очевидна успешность в системном научном анализе поэзии конкурсанта.

Нисколько не умоляя научных достоинств произведений большинства членов нашего Союза, обеими руками голосую за бесспорную научность в творчестве Людмилы Николаевны Малковой с её критическими литературными обозрениями и юбилейными эссе. Согласен с Владимиром Моржом и его регулярными «медосмотрами», которые, невзирая на лица, он устраивает писателям-классикам в литературной газете, с тематической прозой певца и истинного патриота Придонья Василия Афанасьевича Воронова, со «Степными тропками» Алексея Ивановича Глазунова и многими другими писателями.

НО!

Вспоминается эмоциональная фраза (почти дословно) Алексея Григорьевича Берегового, высказанная при подготовке юбилейной книги РРО СПР «Что же они пишут автобиографии как будто для отдела кадров! Мне этого не нужно. Хочется увидеть эссе писателей о своём творчестве, а не узнать какой у них размер обуви!» И с таким требованием нельзя не согласиться. В нашем «цехе» достаточно личностей с «верхним» образованием, «отягощённых» званиями доцентов, профессоров и даже академиков, для которых научный подход в работе не должен вызывать затруднений. Однако иногда читаешь наше — родное и диву даёшься. Очень хотелось в этом месте привести (в авторской редакции)

пожалуйста! Оно бы ничего, если бы оно что. Но оно не только что, а всё почём зря!»

Что же, пошутили и давайте теперь вернёмся к теории обсуждаемого вопроса. Как поэты-романтики, так и официальная наука противопоставляли Разум Воображению. По мнению поэтов, Разум в лучшем случае ведёт к истине очень долгим, извилистым путём; в то время как он, уже запыхавшись, выбивается из сил, Воображение легко взбирается на вершину горы. Романтики полагали, что поэзия — полярная противоположность аналитическому рассуждению, НЕЧТО, лежащее за пределами заурядных сделок рассудка с реальностью. Такова была точка зрения Шелли и Китса, Вордсворта и Колриджа, Пикока и Уильяма Блейка (П. Медавар). Рассуждения же учёных представляют собой диалог двух голосов — фантазирующего и критического. Учёные с помощью объективной системы доказательств пытаются выяснить, похож ли хоть сколько-нибудь их вымышленный мир (научная гипотеза) на действительный? Теперь нам придётся сравнить научное и поэтическое понятие об истине. В научном тексте слово «истина» означает ТО, ЧТО ЕСТЬ на самом деле, а в литературе — ТО, ЧТО ДОЛЖНО БЫТЬ согласно мнению писателя (раскрытие идеала по Аристотелю: литературная истина — это истина высшего порядка, и если природа ей не соответствует, то тем хуже для природы). Здесь противоположностью истины является не ложь, а другая истина. Получается, что писатель мыслит и ориентируется «в сфере более широкой, чем действительность?!» Вокруг читателя воздвигается мифическая конструкция (воображаемый мир), осмысленная и, в большинстве случаев — правдоподобная, хотя и навряд ли истинная!

Вот пример из фантастического произведения:

— Я — это ты, но только из параллельной реальности. Судя по твоему неведению, на вашей планете «Колокол» ещё не запускали и катастрофа пока не произошла...

— Я тебе не верю! — выслушав рассказ землянина, заявил хозяин кабинета. Клонирование материальных тел «Колоколу» ещё под силу, но порталы в параллельные реальности?! Насколько я в теме — здесь потребуются отрицательная материя. Да, физик Кип Торн нашёл новые решения уравнений Эйнштейна, которые допускают такие путешествия при условии, что будут получены странные формы вещества и энергии, такие, как «экзотическое отрицательное вещество» и «отрицательная энергия». Однако проблема в том, что, в отличие от антивещества (которое, как известно, существует и под воздействием гравитационного поля падает на Землю), отрицательное вещество «падает вверх», так что оно будет парить, всплывать вверх под воздействием земной гравитации, поскольку обладает антигравитацией. Вы, что, ловите его в глубоком космосе? Смахивает на сказочку!

Мне думается, что в приведённом отрывке, наряду с фантастическим вымыслом, всё-таки присутствует научность, поскольку используются данные современной квантовой физики и космологии, упомянут реальный исторический факт из жизни учёных.

В научном сообществе наука признаётся таковой, если она имеет свои собственные предмет, объект и метод исследования. А что же литература? Как у неё с предметом и методом? Она всеядна (неразборчива) и всезнающая? При ближайшем рассмотрении можно увидеть, что литература «забегает на чужие огороды». Там она беззастенчиво ворует достижения состоявшихся наук (истории, психологии, философии, физики,

удивившее меня своей бессвязностью историческое повествование, но так и не смог найти по приведённой там ссылке первоисточник, а без этого получится, опять же — не научно! Так что позвольте обойтись общими заключениями. Читаешь, и видишь текст сильно напоминающий «классику»:

«Оно так, оно, конечно, что касается — то относительно. А ежели, к примеру, оно случается — вот тебе и

КРИТИКА, ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ, РАЗМЫШЛЕНИЯ

биологии и т.д. по списку). Мы не обсуждаем научную, научно-популярную, справочную и учебную литературу, а только художественную. В национальной философской энциклопедии приводится такая дефиниция: литература — произведения письменности, имеющие общественное значение, эстетически выражающие общественное сознание и в свою очередь формирующие его; представляет собой развивающуюся на протяжении тысячелетий систему литературных родов (эпос, лирика, драма), жанров, мотивов, сюжетов, образов, стиховых и прозаических форм, изобразительных средств языка.

Если коротко, то художественная литература это вид искусства. Тогда, может быть, в искусстве и не должна присутствовать научность, и мы обсуждаем эту тему напрасно?

Например, даже у самого влиятельного литературного критика Германии XX века М. Райх-Раницкого среди 17-ти критериев оценки мы видим всё, что угодно (шок и скука, вызываемые прочтением, провокационность текста, живость персонажей), но нет критерия «научность».

До сих пор в литературе существует уклон, получивший название «поэтизм» — пустячковая (вроде лёгкого гриппа) болезнь, по мнению Медавара. Или, по определению Э. Ильенкова, «поэтизм» — это поэтически-беллетристический стиль мышления, характеризующийся «цветением речи», иначе говоря — болтовней. Болезнь, к которой у литературы нет иммунитета из-за того, что у писателей энергия бьёт через край.

Ещё в XVII веке учёные предупреждали о грозящей им опасности «увлечься звуком собственных голосов» и требовали, чтобы те писали свои труды просто... «не усложняя текст длинными вводными предложениями, не расцветивая крикливыми метафорами, не усугубляя общими местами и околичностями». Почти две тысячи лет длилось соперничество между красноречием и мудростью, стилем и сущностью, формой и содержанием, пока учёные не поняли, что научные труды не следует превращать в литературные опусы. Но даже в наше время гарцующий, напыщенный и нарочито неясный стиль можно встретить как в научных работах, так и в художественной литературе. То есть, теперь мы переходим от обсуждения процесса нашего познания к процессу нашего же изложения. Наверное, и скорее всего, остаться непонятым не хочет ни один писатель. Но ведь многие прибегают к неясности в языке, и, иногда, даже бывают крайне искусны в этом!

Опять примеры из отзывов на нашем сайте: «Читается легко!» или «Что автор хотел сказать? Непонятно!»

Для научного стиля характерно использование следующих языковых средств:

- на уровне лексики:
 - насыщенность терминами данной науки;
 - использование слов с абстрактным значением (закон, число, предел, свойство);
 - употребление слов в прямых значениях, отсутствие образности (метафор, метонимий, междометий, восклицательных частиц);
 - частое использование лексических средств, указывающих на связь и последовательность мыслей (сначала, прежде всего, следовательно, наоборот, потому что, поэтому);
 - на уровне морфологии:
 - редкое использование личных местоимений я и ты и глаголов в форме 1-го и 2-го лица единственного числа;
 - специальные приёмы авторизации: авторское «мы», неопределённо-личные (считают, что...) и безличные конструкции (известно, что... представляется необходимым...);
 - на синтаксическом уровне:
 - употребление сложных предложений с использованием союзов, указывающих на связь явлений;
 - неупотребление восклицательных предложений, незначительное употребление вопросительных предложений;
 - частые цитаты, ссылки;
 - использование в качестве компонентов текста формул, графиков, схем.

Основные типы научной речи — рассуждение и описание.

Получается: с чего начали, к тому и пришли! Ведь описание без воображения — это скучно! Какие ещё формулы и графики? Формула любви, уравнение счастья или график роста неприязни между героями повествования? Да и как можно без образности, интриги и душевного захвата?! Ведь образ это — «наше всё»!

Нормами научного стиля являются точность, ясность, логичность и объективность. Разве писатели против этого в художественных произведениях?

В заключении хочу признаться, что намеренно позволил себе гиперболы и отдельные провокационные выводы, дабы подвинуть заинтересовавшихся на полемику.

Итоги конкурса

Определился победитель в «Конкурсе одного стихотворения». Им стала поэтесса из Таганрога Людмила Виноградова. (Стихотворение «Тихо пели камни»). Подборка стихов Людмилы Виноградовой будет опубликована в следующем номере.

Уважаемые читатели!

Сегодня мы начинаем публиковать конкурсные работы по поэзии и прозе, удостоенные 2-го места в конкурсе «Стенные вполухи».

(Редакция «Донского писателя»)

ПОЭЗИЯ (возрастная категория — от 16 до 40 лет)**Виктория Панина***(дер. Никулино Тверской области)***ОКОЛОЛИРИЧНОЕ***Цикл стихотворений***Снега**

Накрыли город белые стога:
Он обесцвечен, обескровлен.
Идут, идут, идут, идут снега.
Не за тобой ли?

Несётся, спотыкаясь, по дворам
Хромое колесо метели
И с ловкостью простого маляра
Пространство белит.

Кто раскрывает неба дряхлый зонт,
Давно необратимо спянул.
Без сил раскинул руки горизонт,
Как на распатье.

Земля нага под чистой простынёй.
И, кажется, что хочешь — требуй.
Но крошится без меры на неё
Большое небо.

Зима невозмутима и строга:
Как выжить, никому не скажет.
Идут, идут, идут, идут снега.
Идут за каждым.

Другу

Если боязно и тревожно
В эпицентре возможного взрыва,
Разминируй меня осторожно.
И красиво.

Пульс тактичен, как писк отсчёта,
Страшно в жизненных катакомбах.
Если здесь я — ты знаешь чётко:
В сердце бомба.

Наталья Пейсонен*(Сан Бенедетто дель Тронто, Италия)***ПИСЬМА К ЕВЕ***Цикл стихотворений*

* * *

Здравствуй, Ева. Тебе не спится?
И мне не спится.

За окном весна. За окном, не пове-
ришь, как впредь — столица.
Только всё тебя где-то носит, моя
Жар-Птица,
не проститься с тобой никак и не
откреститься

от тебя. Не послать тебя ни к такой-
то матери, ни к чертям в подруги.
Всё мне грезится прищур твой
близорукий
и копна твоих рыжих, и тоненькие
запястья.

Кто снимает сандалии с тебя, кто
— платья?
Кто ведёт тебя под руку под ката-
лонским небом,
где я будто бы был однажды? Где
точно не был.

Не поверишь, Ева, здесь птицы
сошли с ума, не дают проспать.
И я, кажется, жив. Говорят, что
нельзя сдаваться.

В телевизоре врут, в социальных
сетях народ не в себе. Как будто
Бог однажды с кем-то меня попутал
и отправил вот так вот на грешную
землю вместо,..
где я чьё-то чужое теперь занимаю
место.

И ничто мне не мило, ничто меня
здесь не держит.
Я купил себе новый Lexus, сменил
одежду,

я нашёл себе Маню, вывез её в Европу.
Маня любит меня. Зовёт меня ми-
зантропом.

И, казалось бы, всё у меня как у
всей столицы.
Хватит, рыжая, сниться мне. Хватит
сниться.

И ничто мне не мило, ничто меня
здесь не держит.

Я купил себе новый Lexus, сменил
одежду,
я нашёл себе Маню, вывез её в Европу.
Маня любит меня. Зовёт меня ми-
зантропом.

И, казалось бы, всё у меня как у
всей столицы.
Хватит, рыжая, сниться мне. Хватит
сниться.

И, казалось бы, всё у меня как у
всей столицы.
Хватит, рыжая, сниться мне. Хватит
сниться.

И, казалось бы, всё у меня как у
всей столицы.
Хватит, рыжая, сниться мне. Хватит
сниться.

И, казалось бы, всё у меня как у
всей столицы.
Хватит, рыжая, сниться мне. Хватит
сниться.

И, казалось бы, всё у меня как у
всей столицы.
Хватит, рыжая, сниться мне. Хватит
сниться.

И, казалось бы, всё у меня как у
всей столицы.
Хватит, рыжая, сниться мне. Хватит
сниться.

И, казалось бы, всё у меня как у
всей столицы.
Хватит, рыжая, сниться мне. Хватит
сниться.

И, казалось бы, всё у меня как у
всей столицы.
Хватит, рыжая, сниться мне. Хватит
сниться.

И, казалось бы, всё у меня как у
всей столицы.
Хватит, рыжая, сниться мне. Хватит
сниться.

И, казалось бы, всё у меня как у
всей столицы.
Хватит, рыжая, сниться мне. Хватит
сниться.

И, казалось бы, всё у меня как у
всей столицы.
Хватит, рыжая, сниться мне. Хватит
сниться.

И, казалось бы, всё у меня как у
всей столицы.
Хватит, рыжая, сниться мне. Хватит
сниться.

И, казалось бы, всё у меня как у
всей столицы.
Хватит, рыжая, сниться мне. Хватит
сниться.

Ева-Ева, я болен тобой которое
лето кряду,
я бы ради тебя любого наелся яду.
Я бы вплавь чрез любые моря,
босиком — сквозь любую стужу.
Только ведь, я не нужен тебе. Со-
всем не нужен.

* * *

Ева пишет ему в ответ ровно восемь
строк:
— Я разучилась любить или быть
счастливой.

Видно я, мой друг, нахлебалась и
сбилась с ног
в поисках сверхъестественного
мотива

для простого человеческого (что ли)
счастья.
Я давно раздарила подаренные
мне платья,

вычеркнув тех, кто, кажется, их дарил.
В общем, та, которую ты любил...
нет её больше, слышишь, вот
как-то так.

Дальше живи. Он сжал и разжал
кулак,
выдохнул, перечитал ещё, а потом
ещё.

Долго слонялся, ёжился под
плащом,
вымокнув насквозь, долго курил,
молчал,
что-то как будто жало ему в плечах.

Это больней, когда тебя не убьют,
а ранят.
— Ева, зачем я знаю, что ты живёшь?
Если бы можно было разрушить
память.

Дождь продолжался, серый москов-
ский дождь.

* * *

Как тебе в пёстрой праздничной
Барселоне,
окнами на Sagrada Familia, на
чудаковатого Гауди?

Ты так хотела этого — вот, получи-
распишись. В погоне
за счастьем ты нагнала его. Впереди
ещё много всякого будет. Ах да,
здравствуй!

Перевернутый слабый текст мой
(к тебе) — вверх дном.

Я по-прежнему здесь в Москве.
Я хожу по Красной
площади с нелепым таким зонтом.
Я по-прежнему страшно влюблён.
Не в тебя, нет, в память,
тонкокостная девочка на фоне
Москвы-реки.
Мне давно бы пора всё это уже
оставить.

Как тебе чужие материки?
Я, наверное, знаю, зачем нам
всучили счастье:

чтобы ты писала, чтоб я выживал
как мог.
Я знакомился с Леней, знакомился
с шустрой Настей,
— безрезультатно. Доктор мне не
помог.

Как тебе там, где спорят на ката-
ланском,
где туристы на солнечной La Rambla
жертвуют монеты дурацким маскам?

Где бы ты, бесстыжая, ни была,
я ношу тебя здесь, в себе и по всем
карманам

рассовал, как в детстве ценнейший
дар —
монпансье и всё, что вручала мама.

Хочешь, я пришлю тебе самовар?
Совершенно не нужный тебе, как
и я по сути,
мой маленький тщеславный
конквистадор.

Как оказалось, ты ядовитей ртути
и страшнее морфия, mi amor.

* * *

Если мы с тобой когда-нибудь
совпадём,
где-нибудь на пространстве
старого континента,

обещай, что тогда сойдёмся
и снимем дом
в несколько счастливых квадрат-
ных метров.

Станем гулять вечерами, скры-
ваться днём,
мерно тянуть портвейн из простых
стаканов.

Просто пообещай, что однажды
станем
ближе, если когда-нибудь
совпадём.

НОМИНАЦИЯ «ПУБЛИЦИСТИКА»**Андрей Канавщиков** *(Великие Луки)***«Чтоб в душу не шла гангрена...»***Очерк*

Если революцию нельзя остановить, её нужно возглавить. Если советское прошлое нельзя отменить, его нужно адаптировать должным образом и подменить до неузнаваемости. Лучше полной. Так, видимо, рассуждали организаторы выставки в «Манеже» под названием «Романтический реализм. Советская живопись 1925 – 1945». Для более эффективной промывки мозгов выставка имела свободный вход, а каждый посетитель получал бесплатный цветной буклет с подробным изложением того, как ко всему увиденному следует относиться.

Рассудим логически. Подмена понятий начинается уже в названии. Предполагая наличие некоего незыблемого «реализма», который, дескать, во времена СССР всем заправлял и всё направлял. В действительности, реалистами не были ни Дейнека, представленный на выставке, ни тем более Лабас с его дирижаблями. Нельзя причислить к стану однозначного реализма ни Сарьяна, ни других, менее известных художников масштаба Адливанкина с его «Ударником».

Советская живопись была полифоничной, богатой на краски и оттенки, на героев и художественные приёмы. Ни в какое прокрустово ложе идеологии Советская власть искусство не загоняла. Наоборот. Выставка в «Манеже» даже на пространные восьмидесяти полотнах из собраний ведущих картинных галерей страны самым упёртым и политизированным раскрывала глаза. Показывая, что советская живопись вовсе не цедила манную кашку бескрылого кондового реализма. Что ей были близки все виды и формы выражения действительности. Что в этом полифоническом единстве строительства нового мира находилось место и И. Бродскому с его каноническим реализмом вроде «Панорамы Коминтерна», и декоративно-солнечному В. Сварогу, и конструктивисту Н. Денисовскому с его принципиально-обезличенным «Выпуском чугуна», и лирической «Весне» К. Петрова-Водкина, и сюжетному психологизму С. Герасимова («Мать партизана»), и А. Пластова

(«Фашист пролетел»), и нарочитой иконописности П. Корина в портрете Александра Невского...

В отличие от нынешнего времени жесточайшей художественной цензуры, когда за изображение полового члена можно и Государственную премию отхватить, а портрет какой-нибудь передовой доярки не возмут даже бесплатно и в прихожую провинциального ДК.

Показательно, что все подлинные художественные величины, прозвучавшие тогда, в эпоху Герасимова и Дейнеки, с успехом прошли проверку временем. И те, кто был на слуху, реально, являлись не дутыми, не вымученными, не назначенными кем-то творцами. Тот же Исаак Бродский. Можно ёрничать на тему героев его полотен, хихикать в ладошку при виде Ленина, но художественный профессионализм, сюжетную точность, чувство цвета и композиции отрицать можно лишь из чувства противоречия или с некоторого идейного перепада.

Советское искусство не вышло из пробирки, шевеля жалкими лапками. Оно не было рождено по разнарядке ЦК ВКП(б). Оно органически выросло из всего предшествующего массива живописи, находясь логически выверенным ответом на вековечные вопросы, которые русское искусство изначально ставило себе. Художник И. Н. Крамской говорил в письме В. В. Стасову от 20 апреля 1884 года: «Нужен голос, громко, как труба, провозглашающий, что без идеи нет искусства, но в то же время, и ещё более того, без живописи живой и разительной нет картин, а есть благие намерения, и только». И советская эпоха дала такой голос, дала такую живую и разительную живопись.

Кто-то, возможно, поспешит с «уточнениями». Дескать, по мере того как кровавадный и зловеющий Сталин прибирал власть к рукам, в стране становилось меньше творческой свободы. Но, может быть, это не «свободы» становилось меньше, а банальная пена в пивной кружке оседала? Когда тот же Лабас с его безликими контурами пафосного «Дирижабля и детдома», где есть только настроение и порыв, но нет ни живых людей, ни живой мысли, объективно, в исторической перспективе оказывался на голову ниже вроде бы таких же пафосных «Трубачей Первой конной армии» Грекова, где есть уже и живые люди, и живая мысль. Может быть, так?

Во всяком случае, советская живопись 1925 – 1945 годов была совершенно разной. Но уж никак не заведомо реалистичной, как заявляют организаторы выставки в «Манеже». И романтизм, если в той эпохе и присутствовал, то не в виде прилагательного. Скорее, был в наличии не «романтический реализм», а «реалистический романтизм», когда от мечтаний о полифонии и гармонии отечественная живопись начала выкристаллизовывать новую реальность. Советская система не мечтала о некоей «романтике», она её строила.

Это первая замеченная подмена. Но, далеко, не последняя. Претенциозно и безапелляционно со страниц буклета на посетителях выставки вываливался набор изощрённых формул, не только не выдерживающих, но и не предполагающих, видимо, никакой критики.

Такое, например: «Выставка «Романтический реализм» — большое путешествие по короткому отрезку горячего, пылающего времени, разглядывание застывшей лавы. Фиксация перехода искусства от свободного, ничем не сдерживаемого поиска к эстетике оптимистического конформизма. Не обязательно навязанного сверху, но определённо поощряемого».

Спрашивается, почему большое путешествие, если речь идёт всего-то о восьмидесяти работах? Почему художественная победа социалистического реализма объявляется застыванием лавы? Почему художественная определённость — это непременно «оптимистический конформизм»? Настойчиво проводится мысль, что в наличии имелась некая абсолютная свобода. Которую потом большевики методично «задушили» и явили миру нечто слабенькое, пропагандистски одиозное, «без затей и лишнего аллегорий».

Признаем, что схема выстроена логичная. Только вот упрощённая и неверная. Даже при самых неблагоприятных политических обстоятельствах у советских художников всегда оставалась творческая отдушина. В буклете прямым текстом говорится об этом: «...просвещённые зрители видели в кавказских и среднеазиатских художниках героев эстетического сопротивления, нонконформистов, променявших удобства столичной жизни на свободу слова и дела».

(Продолжение на стр. 6)

КОНКУРС АВТОРОВ СТАРШЕ 40 ЛЕТ

КОНКУРС

НОМИНАЦИЯ «ПРОЗА»

Сергей Безиков (Томск)

ВЕРАБЕЙ

Рассказ

Место рождения своё не выбираешь, это понятно всем. Выбрать можно только «смертушку», или умереть героем на поле боя, или просидеть подлеском в кустах, а потом сдыхать в полном презрении, но не о ней пойдёт речь.

Родился я не в Ясной поляне и не на кожаном диване, как Лев Толстой. А родился я на топчане, укрытом пуховой периною, в избе-гармошке, стоявшей в центре маленькой деревушки, которая растеклась по лесному увалу избами и домами, рубленными в венец и лапу в стародавние и нынешние времена.

Деревушку эту обосновали на юге Западной Сибири переселенцы из Белоруссии в конце девятнадцатого века. Строительство первых изб ими было закончено в зиму, аккуратно в праздник Покрова Богородицы, поэтому и деревню назвали «Покровкой».

Моих пращуров называли «самоходами» и «чалдонами». Их сейчас нет в живых, но добрая память о них в моём сердце жива. Отец мой был «самоходом», а мать «чалдонкой». Родители отца появились в этих местах в связи с проведением в России ступинской реформы по переселению. Родители же матери были потомками первопроходцев Сибири, которые со слов моей бабушки Сани, чалились (шли) с устья реки Дон в Сибирь во второй половине шестнадцатого века спасаясь от церковных реформ, потому как были они старообрядцами.

Чалдоны не жаловали самоходов, которые, в свою очередь, платили им тем же, называя их «чалдонами-желтопузами» из-за их пристрастия к обильному чаепитию. В каждой чалдонской семье имелся ведёрный самовар, и пили они чай всей семьёй ведрами. Однако, так или иначе, семья, в которой суждено мне было родиться, вопреки расхожему мнению, была создана по любви, и как это бывает в жизни, через девять месяцев на свет появился я. По счастливому стечению обстоятельств появился в качестве подарка своей матери к Международному женскому дню восьмого марта.

Имя себе я выбрал сам. Моя бабушка Саня, сидя у зыбки, перечисляла по памяти известные ей имена мальчиков, и я ей своим плачем дал знать, какое имя мне понравилось. Так, я стал Семёном.

С теплотой и обожанием вспоминаю свои детские годы, проведённые в деревне. Закрыв глаза, вижу свою бабулю, сидящую в горнице с веретеном у окна, и слышу её монотонное пение, поражающее меня удивительным сплавом русского и белорусского языков:

Ох, как на крыше верабей,
Да, он сидит чиликает,
Ох, майей мамки дома нема,
Не кавабаяца...

И вслед за пропетым куплетом несётся её призывный возглас:
— Сёмка, вставай! Ходи (иди) ко мне на кухню, а то исть (кушать) мне одной морготно (скучно), да и табе (тебе) пора в школу тикать (идти).

Я встаю, иду за печку, бяю ладошками по мокрому соску рукмоинника и умываюсь. Выхожу с рушником в руках.

— Бабушка, ты чё (что) так говоришь? Учительница кажет (говорит), что из-за тебя и я кажу неправильно.

— А пошто (почему) она скёт (стучит) ногами?

— Я ей прибавтку бабы Дуни казал.

— Кажи (расскажи) её и мне.

— Слухай. В одной семье не любили сноху-чалдонку, — начинаю я. — Однажды тятка спрашивает своих дочек: «Кто набздел в хате?» А те ему отвечают: «Это сноха». — Так её же нет в хате? — А это её андарак (юбка) бздит.

Бабушка долго хохочет, потом называет меня «верабеем», то бишь воробьем, и теребит мой чуб.

— Заес (заяц) упрел в чугунке, будешь его исть (кушать)?

— А откуда взялся у нас заес?

— Дед Яшка его вчерась (вчера) петлей словил.

— Не, я буду только калач и молоко.

Я быстро завтракаю, надеваю белую заячью шубку, валенки, шапку, перекидываю через плечо сшитую мне бабушкой холщевую сумку с букварём и тетрадками, беру в руку таз и выскакиваю на улицу. Выбегаю на берег реки, сажусь в таз и, крутясь волчком, съезжаю на лёд. Дальше карабкаюсь на противоположный берег, и я в школе.

Учусь я в первом классе понарошку. Бабушка договорилась с учительницей, чтобы та взяла меня в школу, потому как все мои друзья пошли в первый класс, а мне не хватило одного года. А уж на следующий год, когда мои родители-нефтяники закончат свою работу в сейсмологической партии и обнесуются в районном центре, то я пойду в первый класс со своими сверстниками.

Школа, в которой я учусь, четырёхлетка. Первый класс занимается в одной комнате с четвёртым, а второй с третьим. Меня уже дважды ставили в угол. Один раз за то, что на уроке рисования я подошёл к своему другу из четвёртого класса, у которого была контрольная работа по математике, а второй раз за рожки, которые я ему строил.

На следующей неделе намечена свадьба моего дядьки Гришки. Деревня по этому случаю будет гулять несколько дней. Моей бабушке поручено сварить четыре фляги пива. Она варит его уже две недели, поэтому я, чтобы не мешать ей, живу у дедушки Якова и его снохи Марфы.

— Сёмка, ты поедешь со мной проверять петли на зайцев? — спрашивает меня с утра дед Яшка.

— Конечно, поеду, — отвечаю ему.

— Тогда собирайся. Твои валенки на печи.

— А на чём поедем?

— На рыжей кобыле. Запряжём её в сани и поедём...

Ставить петли на зайцев и силки на куропаток мы с дедом обычно ходим пешком в ближайшие колки. Зайцев и куропаток развелось ныне много, и мы всегда с добычей. Но сегодня нам надо поймать больше обычного, потому как на носу свадьба Гришки, его младшего сына, и гостей будет много.

Мой отец называет деда Яшку ведуном-молитвенником, потому как он знает много лечебных молитв и оказывает помощь всем деревенским. Дед Яков-старовер, он поклоняется отцу небесному — богу Сварогу и каким-то другим богам, а не одному богу Христу, как другие селяне. Он молится им перед сном и утренней звездой. Моя бабушка боится деда Якова, хотя он ей ничего плохого не сделал. Она говорит, что он знает с упырями и лесными берегинями. Дед не любит, что бабушка сквернословит и шутиливо пугает её порчей.

Я же деда считаю добрым волшебником. У него длинная седая борода, взгляд умный и пронзительный. Он никогда не сквернословит, как это делают другие деревенские мужики, речь его спокойная, голос певучий.

Для своего колдовства дед Яшка собирает из семи родников, находящихся в излучинах реки, родниковую воду. Он набирает её в глиняные кринки (кувшины), затем смешивает и толчёт в ступе, чтобы она была истинно чистой и наполнена новой энергией. Когда она становится таковой, он расписывает её поверхность специальной палочкой — трезубом, вырезанной из священного дерева, которую называет «Яви-Нави-Прави».

Заговорив эту воду, он раздаёт селянам, но только тем, кто верит в её чудодейственную силу, а уж они добавляют её в свои домовые бочки. Сам дед Яшка использует её, когда лечит людей, которых укусили змеи в период сбора ими клюквы или брусники на болотах, а также от сглаза и напущенной на них порчи: заикания, недержания мочи, куриной слепоты и другой гадости.

Гадюк и прочих змей дед не боится. Он ловит их руками и затем удаляет из них яд. Носит он их для забавы на себе, под холщовой рубахой, и этим самым шокирует селян, особенно деревенских девчат.

А ещё дед Яшка заготавливает в определённое время в лесу специальные чурбаки, освещает их своими молитвами и делает из них баклуши разных размеров, которые затем раздаёт мужикам, чтобы те вырезали из них игрушки и обереги для своих детей. Мне же он сделал двух коньков, которые будут оберегать меня всегда...

День выдаётся явно пригожий. Снег ослепительно блестит на солнце. В лесу тишина и покой. Зайчишка в это время отдыхает, забившись в коряги, после ночной кормёжки в осиннике.

Ехать нам предстоит немного, версты четыре. Рыжуха, молодая кобыла, резов бежит, таща небольшие аккуратные сани, сделанные дедом специально для охоты. Я гляжу на заснеженные поляны, перелески, овраги, меж которых, скрытая под толщей льда течёт речушка с кротким названием «Ию», и у меня радостно на душе. Я чувствую природную красоту окружающего меня мира. Мне не введомая другая красота, в сравнении с которой я до конца смог бы постигнуть эту, данную мне с рождения. В первозданности детского восприятия красота родных мест предстаёт предо мной во всём своём великолепии, от неё в груди поднимается неопиcуемый восторг.

Я стою в саях, как и дед на коленях, держа в руках деревянный автомат с круглым магазином и звонкой металлической трещоткой, который изготовил мне отец в последний свой приезд домой.

Я усиленно верчу головой по сторонам в надежде, что увижу свой главный охотничий трофей — лису и поражу её метким выстрелом из своего автомата.

Выезжаем на поле, затем спускаемся в открытую луговину, снова поднимаемся в гору. Там, на горе, виднеется продолговатый колок, в котором мы поставили большую часть своих петлей и капканов.

Выезжаем на гору... И тут я вижу, что вдали на опушке леса стоят пять больших собак. Но что-то меня пугает. Нет, это не собаки, проносятся в моем сознании. Это волки! Тяну деда за рукав тулупа.

— Деда, это волки?

Дед вместо ответа останавливает кобылу и с досадой протягивает:
— Вот незадача какая. Забодай вас всех казел (козёл). Повывебали...

Рыжуха — кобыла молодая и трусливая. Она пятится назад и застывает за оглобью. Дед дергает вожжами, пытаясь развернуть её. Но Рыжуха не может перешагнуть назад оглоблю, от страха храпит и бьёт копытами.

— Сёмка, внучок, держи вожжи в натяг, — кричит мне дед, выскакивая из саней.

Дед невероятным усилием своих старческих рук насилие вталкивает Рыжуху в оглобли и падает в сани. Кобыла разворачивается и с места берёт в карьер.

Волки быстрыми скачками бегут к нам, наперерез саням. Мы успеваем проскочить. Они бегут позади саней, вытянувшись цепочкой. Впереди большими скачками отмахивает крупный, с оскалившейся пастью волк. Несомненно, это вожак. Уже метров пятнадцать отделяет его от наших саней.

— Сёмка, внучок, подлезай ко мне ближе, — подзывает меня дед.

Он прижимает меня к себе, не выпуская из рук вожжей, и принимается читать молитву:

Николай, угодник Божий, помощник Божий.

Ты и в поле, ты и в дороге, ты и на небесах.

Заступись и сохрани раба младого Семёна,

От зверя лесного, лютого...

Вожак обходит сани, примериваясь к Рыжухе. Он не рычит,

не пугает, он просто смотрит на неё своими жёлтыми немигающими глазами.

Дед привстаёт и, держась левой рукой за укосину саней, хлещет вожака кнутом. Тот, лязгая зубами, прыгает в сторону, сбиваясь с бега... Сзади на него налетают другие волки. Вся стая кружится вокруг него. Он ощеривается, бьёт клыками одного, другого... И показав им свою силу и злость, снова, вырвавшись вперёд, легко догоняет наши сани.

Дед вновь привстаёт, хочет ещё раз огреть кнутом вожака, но тот отбегает от саней подальше. С другой стороны, обходит сани волчица, у неё разорвано ухо, но тот же, немигающий, жёлтый свет её голодных глаз.

— Сатанинское отродье! — ругается на неё дед.

Я высываю голову из-за его спины — до деревни остается совсем немного, уже слышится лай деревенских собак.

Вожак выравнивается с Рыжухой и прыгает на неё. Рыжуха шарахается в сторону, в сугроб... Сани переворачиваются: оглобли сворачивают хомут, он захлестывает Рыжухе горло. Она хрипит и бьётся в оглоблях. Волчица, настигая её, с другой стороны, прыгает на неё и впирается клыками в бок.

Мы с дедом вываливаемся под ноги отставшим трём волкам. Один из них с ходу впирается клыками в тулуп деда и тут же получает от него удар японским штыком в брюшину. Зверь кружится от боли на окровавленном снегу, жалостливо визжит. Два других на какое-то мгновение отскакивают от нас.

Я, воодушевлённый решительными действиями деда, принимаю крутить трещотку своего деревянного автомата, при этом кричу что-то несурзное. Я расстреливаю волков, представляя, что это фашисты, внезапно напавшие на нас. Фашистов я видел только в кино, но у меня стойкое убеждение, что их нужно расстреливать за все злодеяния, которые они сотворили.

Волки, заслышав неожиданный для себя металлический треск, трусливо поджимают хвосты, и, оставив нас, быстро бегут в сторону леса...

— Деда, миленький, мы победили фашистов? — плача навзрыд спрашиваю я его.

— Да, внучок. Мы их победили. Никола-угодник, твой заступник, не оставил нас в беде. Пойдём быстрее домой, мне нужно объяснить всё своим богам и просить их, чтобы они простили мне измену...

— Какую измену? — спрашиваю я.

Из мой вопрос тонет в безмолвии. Дед, молча, высвобождает из упряжки раненую кобылу, и мы идём к деревне, держа под уздцы перепуганное до смерти животное...

Вечером этого же дня дед Яшка неожиданно заболевает. Узнав об этом от своей бабушки, я спешу к нему.

Дед лежит в горнице на кровати, во всём чистом и белом.

— Деда, ты же не умрёшь? — заподозрив неладное, спрашиваю я его.

— На все воля божья, — отвечает он мне явно слабым голосом. — Сёмка, не забудь, что ты отныне должен почитать своего спасителя Николу-Чудотворца — он самый старший среди святых. Его я просил в своей молитве спасти нас от волков, так как он не только истребитель змей, но и волчий пастырь.

— Хорошо, я буду его почитать, — клятвенно обещаю я деду.

Утром следующего дня дед Яшка умирает. Свадьбу Григория переносят на осень.

Я долго горю по своему любимому деду и этим пугаю свою бабушку, поэтому она, втайне от моих родителей, решает свезти меня в район и там крестить в небольшой церквушке.

У попа, окрестившего меня, я спрашиваю:

— Есть ли в вашей церкви икона Николы-Чудотворца?

Он мне указывает на икону, стоящую рядом с иконой Бога Христа. Никола-Чудотворец мне нравится. У него такая же, как у моего деда, аккуратная белая борода, высокий лоб, выступающие скулы, карие глаза и смуглая кожа.

— Расскажите мне о нём, — прошу я попа.

Поп улыбается мне и принимается рассказывать о Николу-Чудотворце. Из его рассказа я узнаю, что это самый почитаемый святой и по значимости он приближается к почитанию самого Бога Христа. Ещё при жизни Никола в одном из своих морских путешествий воскресил моряка, сорвавшегося с корабельной оснастки в шторм и разбившегося насмерть.

— Никола-Чудотворец спас меня и деда от волков. И ещё мой дед говорил, что он их пастырь, и поэтому они послушались его, — доверительно сообщаю я ему.

По дороге обратно в деревню у меня никак из головы не выходит рассказ попа о том, что Никола-Чудотворец воскресил моряка. И уже вечером я интересуюсь у своей бабушки.

— А это правда, что Никола-Чудотворец оживил умершего моряка?

— Правда, внучок!

— Тогда он может оживить и дедушку Яшку. Я попрошу его об этом.

Бабушка моя задумывается, затем молвит:

— Не надо его оживлять, он в раю, ему там сладко. А ещё я боюсь живых мертвецов...

Свет, падающий от керосиновой лампы на её старческое лицо, причудливо отражается дрожащими тенями на стене и пугает меня.

— Я тоже их боюсь, — признаюсь я и подсаживаюсь к бабушке поближе.

Она прижимает меня к себе со словами:

— Когда смерклось, непотребно говорить о покойниках. Нехай (пусть) им будет гарно (спокойно).

— Нехай! — соглашаюсь я с ней...

Елена Морозова, кандидат в члены СПР

новые стихи

«*Но это маленький каприз...*»

Ночная октава

«Дано ли нам постичь глубину
ночи при свете дня?»

Фридрих Ницше

Опрокинув чернила на неба

лазурь,

Понижая альты до басов,

Посылая палитру в «весёлый

аллор» —

В бездну жадную скрипнул засов.

Поползли по земле тени злых

авантюр,

Оставляя песчинки часов,

Что скрипят на зубах, как

непрощенный спам,

Прокатившийся ночью по снам.

Весна

А весна развернулась почками,

Зашумела скворцами в садах.

Перестали хандрить ночами мы —

Краски вспыхнули в серых снах.

Разлила всюду воды талые,
По артериям — дофамин.
Встрепенулась душа усталая —
Выводя меня на трамплин.

Пауза

«Порыв к творчеству может
также легко угаснуть, как и воз-
ник, если оставить его без пищи».

Константин Паустовский

Сегодня мне не пишется совсем —
Мой карандаш не измарал
бумаги.

И мир внутри спокоен, глух и нем
И к подвигам, и к чести,
и к отваге.

Не рвёт меня на части и куски,
Душа смиренно спит, сложивши
крылья, —
А карандаш, чьи плечики узки,
Без мысли не покинет слоя пыли.

Бриз

«Не расставайтесь с иллюзиями.
Без них жизнь ваша превратится
в тоскливое существование».

Марк Твен

Бежать я буду в эту даль —
В пугающую неизвестность.
И пусть кругом чужая местность,
И пусть потом мне будет жаль.

Но это маленький каприз —
Бросаться в жизнь с разбегу,
в омут.

Андрей Канавщиков (Великие Луки)

«Чтоб в душу не шла гангрена...»

(Продолжение. Начало на стр. 4)

То есть отклонения от генеральной линии в творчестве советского времени были возможны. Хотя и обставленные иными реверансами восточного или прибалтийского свойства, но возможны. Их разрешали, за них даже платили деньги. Авангардное искусство советский социализм не уничтожил. И что самое главное: не стремился уничтожить! Полагая гораздо более важным не воцариться на горе трупов, а доказать диалектическое понимание действительности во всей её полноте и широте.

Конечно, если художник не вылезал из вытрезителей, а через слово пуская КПСС на разное количество букв, то, понятное дело, ему крепко-накрепко закрывали все дороги. Но если конфликт ограничивался лишь эстетическими аспектами, то советская машина не слишком упорствовала. Давайте, просто сравним тиражи книг 1975 года,

как раз после знаменитой «бульдозерной выставки», реалиста Александра Твардовского и авангардиста Андрея Вознесенского. «Стихотворения» первого выходят в свет в «Современнике» тиражом 50 тысяч экземпляров, а второго «Художественная литература» печатает «Дубовый лист виолончельный» 100 тысячами. Более того. В 1976-м Твардовский ещё прежнюю книгу перелистывает, а у Вознесенского «Молодая гвардия» выпускает «Витражных дел мастера» теперь уже двумя тиражами в 130 и 150 тысяч.

Согласитесь, что советская система любила своих реалистов достаточно странной любовью. Во всяком случае, не такой, как сейчас пытаются доказать авторы буклета к выставке «Романтический реализм». Как говаривал Андрей Вознесенский по схожему поводу: «Голову ампутируйте, чтоб в душу не шла гангрена...»

Да, и насчёт некоей, якобы востребованной революцией, авангардной волны. Этот миф о новом революционном искусстве старательно культивируется. Только вот зачастую не берётся в расчёт, что говорили об этом не осчастливленные авангардом массы, а сами авангардисты.

Вот, например, Алексей Кручёных пишет: «В те дни можно было часто видеть большие сборища народа и скопления остановившихся трамваев. Что такое? Это Давид Бурлюк на углу Кузнецкого и Неглинной, стоя на громадной пожарной лестнице, прибавляет к углу дома свои картины. Ему помогают зрители поощрительными возгласами, взрывами аплодисментов». Вроде бы налицо небывалый взлёт и звёздный час авангарда. Но не будем забывать, что говорит это пока только

заинтересованное лицо, сам Кручёных. Масса лишь глазее и забавляется.

Культурная жизнь в СССР текла в целом свободно и комфортно. И реалисты, и авангардисты требовали себе больше внимания, тянули одеяло на себя, но так как одеяло было большим и очень длинным, то укрываться им одновременно могли очень многие. Не пускают художника в Москве, можно неплохо устроиться в национальных республиках, даже не вынув фиги из кармана. Не хочется восточно-прибалтийского камуфляжа — можно устроиться оформителем. Хотя витрин, хоть книг. И не по некоей государственной разрядке, а в честном соревновании идей и художественных приёмов побеждали в умозрительной борьбе за умы людей И. Грабарь с его картиной «В. И. Ленин у прямого провода» (1927–1933), Б. Иогансон — «Допрос коммунистов» (1933), Г. Рязский — «Председательница» (1928), и многие другие, из представленных и не представленных на выставке в «Манеже». Не политика обозначила их масштаб, но внутренняя художественная сила. Ведь как ни выпячивай того же Лабаса, он так и остаётся обычным даровитым художником. С хорошим чувством цвета и выразительным рисунком. Но уж никак не соперником, равным по силе Пластову или даже Дейнеке.

Водораздел в советскую эпоху, равно, как и в любую другую, происходит совсем по иным границам. Об этом давным-давно сказал хотя бы народный художник РСФСР С. П. Ткачёв: «... во все века великие художники жили идеями своей эпохи и выражали их. Оттого они и велики».

Оттого, а не наоборот!

Жаль, если те, кто организовывал в «Манеже» выставку, кто развешивал там картины, придерживаются точки зрения, изложенной в своём же буклете. Тем самым, серьёзно обедняя себя. Подменяя реальный разговор об искусстве выдуманной схемой.

МАЛЫШАМ

Татьяна Александрова (Минчакова)

г. Миллерово

МУХА И ПЧЕЛА

Сказка

Жила-была муха. Нет, ни Муха-Цокотуха и ни Муха-Горюха, а Муха-Веселуха. Так её звали, потому что любила она беззаботно летать, веселиться с подругами, такими же неугомонными и беззаботными мухами как она сама. Каждый день собирались они на своей обожаемой навозной куче возле коровника, наедаются вволю и жужжат от удовольствия, танцы весёлые затевают, в мушиные игры играют, а надоест, так и разлетятся кто куда.

Наша Муха-Веселуха любила подразнить кого-либо. На крестьянское подворье залетит и давай сонного пса донимать. То на нос ему сядет, то за ухо пощечокет. Рывкнет пёс, лапой отмахнётся. Озорная муха в огород летит. Там к хозяйке пристанет, полоть ей мешает. То за руку укусит, то за ногу.

— Вот, противная! — воскликнет недовольно хозяйка и хлопнет по ней. Но не тут-то было, муха уже на шее сидит.

— Прочь, бездельница!

Злитесь хозяйка. А мухе всё нипочём, даже весело. Надоест и это — летит дальше. Только к вечеру утомонится, да где-либо под листиком усядется и заснёт.

Просыпаться рано муха не любила. Но в это утро ей что-то не спалось. Только-только солнце начало всходить, как она проснулась. Сидит муха-веселуха на листочке и думает: чем бы сегодня себя потешить? Вдруг видит — пчела летит с двумя бидончиками.

— Пчела, пчела, не надоело ли тебе бидоны таскать, посиди лучше со мной, поболтаем!

— Некогда мне, на работу спешу, — на лету ответила пчёлка.

— А что у тебя за работа? — вдогонку спросила муха.

— Нектар собираю с цветочков...

Любопытно стало мухе: как это пчела нектар собирает, и она полетела за ней следом.

— А зачем тебе нектар? — не отставала муха.

— Мёд из него получаю. Приношу в улей. Запасы на зиму делаю.

Долго они летели, и, наконец, оказался зелёный луг, усыянный благоухающими цветами. Пчёлка с одного на другой цветок перелетает, нектар с них длинным хоботком высасывает, бидончики наполняет.

А мухе цветы не по нраву, от их запаха у неё даже голова закружилась:

— Ой, мне плохо, — запричитала муха, — не нравится мне твоя работа, прощай, пчела!

И муха полетела обратно. Уж так ей плохо стало, думала и не долетит вовсе до родных мест, но тут вдали она увидела стадо коров.

— Вот моё спасение! — радостно воскликнула муха.

Коровы медленно шли по разнотравью, срывая толстыми губами зелёные стебельки и беспешно их пережёвывая. В другой раз муха обязательно покаталась бы на их крутых боках,

подразнила бы этих неповоротливых, медлительных животных, но сейчас её привлекал только запах коровьих лепёшек, которые они оставляли после себя в траве.

— Ух, хорошо-то как! — воскликнула муха, вдыхая желанный навозный «аромат». «Погоди же, пчела, уморила ты меня сегодня, я тебя тоже удивлю!» — подумала она.

На следующий день, подкараулив утром пчелу, муха сладко прожужжала:

— Пчёлушка, не желаешь ли ты слетать в одно прекрасное место? Там такое благоуханье! Уж наберёшь нектара!!!

— Там много цветов?

— О, да, — подтвердила муха. — Летим! Пчела поверила мухе. А та задумала лететь с ней на навозную кучу — пусть повеселится с ними! О своих планах она рассказала подругам, и те с нетерпением их ждали.

Вот, наконец, и навозная куча. Пчела в недоумении остановилась. Мрачный грязно-серый навоз не привлекал её ни цветом, ни запахом. У маленькой работяжки даже слёзы показались на глазах — столько времени потеряла зря! А муха, довольная своей выдумкой, весело рассмеялась. Смеялись и её подружки.

Вдруг пчела насторожилась, приподняла поникшие крылышки, подхватила свои бидончики и стремительно полетела к дальнему краю навозной кучи.

— Какой миленький, — ласково воскликнула пчёлка и опустилась на прекрасный цветок, который неведь откуда тут взялся. — А сколько в нём сладкого нектара! — не переставала радоваться пчела.

— Спасибо тебе, муха, — сказала она на прощанье, унося с собой почти доверху наполненные нектаром бидончики.

Муха-Веселуха и её подружки были очень удивлены: — Где же она отыскала этот цветок? А мы его и не видели...

Газета писателей Ростовской области

Гл. редактор Людмила Хлыстова
Редакторы В. Морж, О. Губарева
Над выпуском работали:
П. Малов, К. Павленко, В. Зименко
Вёрстка П. Малова
Фото В. Хлыстова

Номер подписан в печать 21.01.2019 г. Тираж 990 экз.

Адрес редакции: 344019, Ростов-на-Дону, пр. Шолохова, 1

т. 8-918-599-67-51; 8-918-854-80-59;

donpisatel@yandex.ru

Общественная редакционная коллегия:

К. Баштовая, А. Береговой, В. Воронов,
А. Глазунов, В. Зименко, О. Лозбенева,
Л. Малюкова, К. Павленко, А. Попова,
Г. Студеникина, Д. Ханин,
Л. Хлыстова — члены СП России

Номера газеты «Донской писатель», журнала «ДОН_новый» и альманаха «Дон и Кубань» можно прочесть на сайтах: www.donpisatel.ru и www.donlib.ru

За достоверность предоставляемой информации несёт ответственность автор.

Точка зрения редакции не всегда совпадает с некоторыми утверждениями в публикациях.

Рукописи принимаются только при использовании буквы «Ё», в прозе — длинных тире, в поэзии — коротких, кавычки должны быть такого образца «».

Газета издаётся при поддержке Министерства культуры Ростовской области.

